

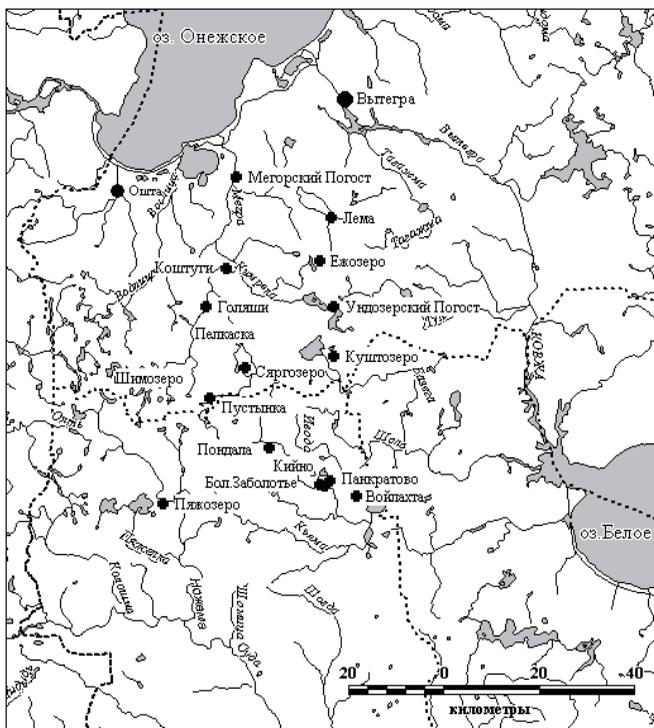
И. Ю. Винокурова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Вепско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии)*

На формирование культуры любого народа, ее дифференциацию и историческую традицию большое влияние оказывают этнокультурные контакты. Наиболее активными они бывают в зонах межэтнического пограничья. При изучении локальных вариантов севернорусской и вепской культур особый интерес вызывает этноконтактная зона, расположенная по обе стороны теперешней административной границы Бабаевского и Вытегорского р-нов Вологодской обл.¹ Эту зону нам удалось выявить в результате научных экспедиций в 1998 и 2001 гг.² Участники экспедиций побывали в поселениях Куя, Пондала, Пяжозеро Бабаевского р-на и Голяши, Ежозеро, Коштуги, Лема, Сяргозеро, Ундозеро Вытегорского р-на. Собрали сведения о соседних селах Куштозеро, Пелкаска, Пустынка, Шимозеро, опустевших за последние 45 лет (карта 1).

Приезжая в то или иное поселение, мы порою ничего не знали о его национальном составе или имели устаревшие данные о нем. Поэтому работа в любом населенном пункте начиналась с выяснения его современного национального состава, что оказалось делом довольно непростым. Для выполнения этой задачи автор использовала специальную методику, при которой беседа с каждым информантом обязательно включала два вопроса, определяющих: 1) этническую идентификацию человека; 2) идентификацию им данного и соседнего поселения в целом. Ответ на первый вопрос сопоставлялся с данными о возрасте человека, национальной принадлежности его родителей и других родственников, знании им вепского языка. Ответ на второй вопрос дополнялся сведениями о праздничных и брачных связях того или иного поселения. Полученные материалы сравнивались с различными источниками по национальному составу поселений второй половины XIX в.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов «Интеграция» № 5.1-Е0080 и РГНФ проект № 07-01-002549.



Карта 1. Территория обследования

Использованная методика позволила выявить картину происходивших за последние 150 лет изменений конфигурации исследуемой этноконтактной зоны, в которой этническая территория русских неуклонно расширялась за счет ассимиляции некоторых вепских поселений.

В источниках 1865 и 1873 гг. русскими поселениями считались Голяши, Коштуги, Ежозеро, Лема, Ундозеро; вепскими – Пяжозеро, Пелкаска, Шимозеро, Куя, Пондала³. Такими же, за исключением Куи⁴, они остались и к настоящему времени.

Одно из первых упоминаний о вепсах Куштозера относится к 1861 г., оно принадлежит финляндскому лингвисту А. Алквисту⁵. В СНМ-1873 Куштозеро указывается как русское поселение. Однако по сообщению П. Бесидникова (жителя с. Кондуши) за 1875 г., «Куштозерский приход есть один из глухих и отдаленных приходов Вытегорского у. и составляет ту **границу** (выделено мной. – *И. В.*), до которой Русское население могло

дойти и утвердиться на земле Чудина, потому что в лесах Новгородской и Лодейнопопольского уезда Олонецкой губерний уже нельзя услышать ни русского наречия, ни увидеть русского обычая». Население Куштозера «по-племени принадлежит к Чуди, всего насчитывается 483 души обоего пола»⁶. П. Бесидников отмечает также изменения, затронувшие в это время национальный состав Куштозерского погоста за счет поселения в нем беглых русских крестьян и солдат, положивших начало обрусению: «Беглые были принимаемы, по всей вероятности, без всякого разбора местным населением и, мало помалу, вносили русский язык и русские обычаи, так что исходом всего было обрусение Чуди: в целом приходе, около полуторасот лет назад, нельзя было найти ни одного человека, понимавшего русскую речь; а теперь всякий понимает и знает, как и родной чудской язык – язык русский, который уже чуть не наполовину вытеснил из употребления язык природный, что очень резко отразилось в дер. Пустоше и Ивачевой»⁷. Последующие исследователи вепского языка считали, что в начале XX в. куштозерские вепсы полностью обрусели⁸. Но по наблюдениям археолога А. Я. Брюсова, еще в 1930-е гг. население Куштозера (д. Илекса) преимущественно говорило по-вепски⁹. В настоящее время с. Куштозеро не существует. О его былом вепском составе говорит этноним *кайбаны*, которым ундозеры вспоминают куштозеров.

В СНМ-1873 Сяргозеро – «чудское» поселение, насчитывающее 187 чел. Еще в 1962 г. языковеды записали здесь красочный рассказ на вепском языке о праздновании у часовни Ильина дня с закланием животных¹⁰. В 1998 г. в Сяргозере проживало 15 чел., из них 3 вепсянки, которые вышли замуж за уроженцев этого поселения, остальные считали себя русскими. Вепсянки Сяргозера определяли свою национальность по национальной принадлежности родителей, родному языку, «вепскому» месту рождения – Пондале, Пелкаске. Жители Сяргозера, считающие себя «русскими», по происхождению и знанию языка разделились на две группы. В первую группу вошли те, которые имеют родителей вепсов; знают вепский язык, но владеют им хуже, чем русским. На этническое самосознание этих людей явно повлияло устойчивое мнение о престижности русской национальности. Вторую группу составили представители вепско-русских смешанных браков во втором или третьем поколении. Одни из них наряду с русским родным языком владеют и вепским; другие – нет. Видимо, обрусение поселения началось в 20–30-е гг. XX в. Но его темпы замедлялись под влиянием национальной политики советского государства, проводимой в эти годы. Сяргозерский с/с был объявлен национальным. Сяргозерские дети в 1930-е гг. обучались вепс-

скому языку в школе в с. Шимозеро. Население Сяргозера соседние русские жители определяют как *кайванов*, вепсы Шимозерья – как смешанное (т. е. вепско-русское).

Пустынка – «чуждое» поселение с 80 жителями по СНМ-1873. По бытующему преданию, здесь, как и в Куштозере, селились беглые солдаты или рекруты: «Сначала раскольники там появились, а потом беглые – должны в армию забрать. Так они уходили с Коштуг, скрывались. А потом смешение»¹¹. В советское время Пустынка относилась к Пелкаскому (вепсскому) с/совету. В конце 1950-х гг. (до выселения Пелкаского с/с) здесь также проживало два этноса – вепсы (небольшое число) и русские. Причем последние в большинстве своем являлись представителями смешанных браков в третьем поколении. Так, И. А. Егорова, 1916 г. р., уроженка Пустынки, имела бабушку по материнской линии – вепсянку из с. Шимозеро, вышла замуж за русского в с. Коштуги. В 1998 г. в Коштугах с одной из своих соседок – А. Ф. Калоковой, родом из Шимозера, – свободно общалась на вепсском языке. В. О. Егоров, 1928 г. р., родившийся в Пустынке, считал себя русским по национальности. Его бабушка по отцовской линии была из вепского с. Пондала, а родители немного говорили по-вепски.

Процесс обрусения Пустынки, скорее всего, начался на 10–15 лет раньше, чем в Сяргозере. Жителей Пустынки соседнее русское население определяло как *кайванов*, а вепсы Шимозерья – как преимущественно русских.

Итак, на исследуемой территории издавна контактировали два этноса: вепсы и русские. Однако переписная книга по Заонежским погостам (1678–1679) сообщает нам поразительный факт о расселении здесь еще одного прибалтийско-финского народа: в Сяргозере и Шимозерском погосте в XVII в. живут «корельские выходцы»¹². Упоминания о карелах, проживающих на этой территории, к нашему великому удивлению, встречаются и в других источниках более позднего времени. Так, в Национальном архиве РК в делах канцелярии Олонецкого губернатора за 1848 г. языковедом А. П. Баранцевым был обнаружен небольшой рукописный русско-вепсский словарь с представленным в нем куштозерским говором вепсского языка. Словарь, тем не менее, назывался «Лексикон корельского языка». Он был составлен Вытегорским исправником (предположительно Ларионовым). Загадочное название словаря А. П. Баранцев объяснил следующим образом: «Дислокация Куштозерского погоста и его ближайшее нерусское языковое окружение позволяет предполагать, что куштозерские „корелы“, сведения о которых Ларионов представил губернатору, являлись фактически, конечно, вепсами. В пользу этого

предположения говорит и тот факт, что в своем сообщении Вытегорский исправник никогда не пользуется этнонимом „чудь“. Коренное население своего и Лодейнопольского уездов, где и в настоящее время сохраняются вепские селения, он регулярно именует „корелами“». Поэтому своеобразное употребление Ларионовым терминов „корела“ и „корельский“ не должно вводить нас в заблуждение»¹³. Подобное объяснение согласуется с другим архивным источником, датированным 1870 г., – сообщением А. Ф. Головина из г. Белозерска (автор – 19 лет от роду, сын священника). А. Ф. Головин «инородческое население» Белозерского у. определяет как Чудь и в скобках поясняет «Чухари – Корелы». Он пишет, что «сами себя описываемые инородцы называют чухари, а окружающее славяне называют их карелами»¹⁴.

Имеются и другие свидетельства о *корелах* из этих мест. Одно из них – Н. Богословского за 1865 г. позволяет усомниться в интерпретации, данной А. П. Баранцевым. Н. Богословский сообщает, что среди вепского населения Пондальского прихода бытовало предание, что его основателями были «два человека корельские... Поселились они, по преданию, на том месте, где теперь деревня Малый Берег»¹⁵. В другом месте он пишет: «жители Белозерского у. почти наполовину Корела и Чудь, но успели уже так обрусеть, что свободно объясняются по-русски»¹⁶. Одновременное упоминание в сообщении двух прибалтийско-финских народов не дает нам никаких оснований обвинять его автора в этнографической неграмотности, как это было сделано по отношению к Вытегорскому исправнику. И, наконец, самый поздний обнаруженный нами документ о карелах датируется 1898 г.: корреспондент Тенишевского архива К. Черемхин называет «корелами» население Марковской вол. Белозерского у. Новгородской губ.¹⁷

Столь настойчивые неоднократные «сигналы» о карелах, исходящие из одной местности, на наш взгляд, не случайны. Они заставляют предположить, что на данной территории действительно в XVII в. поселилась группа карел, скорее всего немногочисленная, которая в XIX в. полностью растворилась среди окружающих превосходящих по численности вепсов, оставив в память о себе этноним *корела*. Подтверждением такого вывода могут быть данные о массовых миграциях карел в глубь России, вызванных подписанием униженного для карельского народа Столбовского российско-шведского мирного договора 1617 г., по которому Корельский у. (Кексгольмский лен) отошел к Швеции. Один из потоков карельских беженцев, двигавшийся в сторону Белозерска, проходил по территории Шелтозеро – Ошта – Шимозерье и, видимо, частично оседал на ней¹⁸. В пользу такого заключения говорит и такой

факт: изучая топонимику Белозерья, А. И. Попов обратил внимание на местное название «Ракольское». Оно, по мнению исследователя, вполне может быть «отражением имени одного из карельских родов (Ракольцы), следы которого упоминаются многими актами XII–XV вв. в разных местах Новгородского Севера»¹⁹.

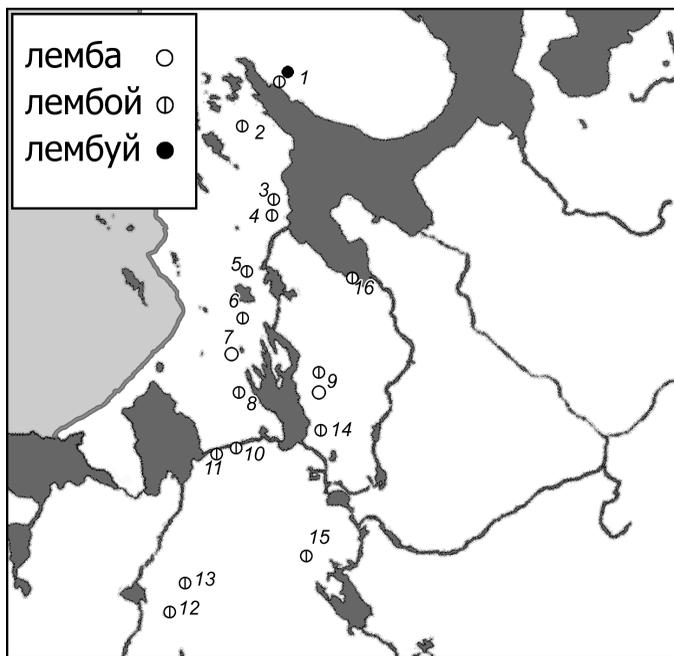
Рассмотрим теперь, как намеченная нами модель этногенеза отразилась на довольно хорошо сохранившейся сфере традиционного мировоззрения – демонологии.

Опрос вепских и русских информантов показал, что для мифологии двух контактирующих этносов были характерны одни и те же достаточно развитые представления о духах-«хозяевах» или, по выражению Е. М. Мелетинского, сильно развитая «религия хозяев»²⁰. В этой ситуации этногенетическое сравнение верований двух народов имеет большую сложность. Как пишет С. И. Дмитриева, «особое значение приобретает рассмотрение конкретных, специфических черт подобных верований и, в частности, названий мифологических персонажей»²¹.

С обрусением вепского населения происходил процесс «перевода» вепских названий мифологических персонажей на русские. Так, в Сяргозере вепсы называют лешего *mecižand*, водяного – *vedenižand*, а обрусевшие вепсы – *хозяин леса, водяной хозяин*, представляющие собой «кальки» с вепских терминов. В с. Коштуги уже появляются русские названия этих духов – *леший, водяной*. На данной территории распространено еще одно табуистическое наименование духа леса: русские Сяргозера называют его *другая половина*, вепсы Сяргозера и Пондалы – *toine pol*: «Степы тетка была. И она скотину ворочала [возвращала]. Так мало ли там бранишь, а ли чё ли подумаешь, либо скажешь, и не придет домой скотина. Так она в лес сходит и скажет, что найдешь. Ето она знала. Она говорила с *другой половиной*. Сказала: „Очень страшная“»²². Такое же название зафиксировано в Шелтозере и Войлахте. Известно оно и у финнов – *toinen puoli*. У вепсов Кривозера бытовало похожее название – *toine čura* ‘другая половина’. О. А. Черепановой также удалось записать среди северных русских термин *другая половина*, но как табу для домового²³. Данные сопоставления свидетельствуют о прибалтийско-финском происхождении этого названия.

В пантеон духов двух контактирующих этносов входит *лембой/lemboi* ‘черт’. Это слово в настоящее время используется как ругательство: «Lemboi sindai ota» / «Черт тебя возьми». На остальной вепской территории, за исключением Озровичей, данный термин не известен. Ю. Калима и М. Фасмер считают его прибалтийско-финским заимствованием²⁴. Однако география этого концепта, составленная

С. А. Мызниковым (см. карту 2)²⁵, и ограниченный вепсский ареал его распространения приводят к выводу о карельском происхождении слова, что вполне согласуется с изложенными выше фактами о карелях, некогда проживавших в данной этноконтактной зоне.



Карта 2. Ареал распространения лексем *лемба*, *лембой*, *лембуй* по данным С. А. Мызникова. Районы, представленные на карте:

- Мурманская область: 1 – Терский;
 Республика Карелия: 2 – Лоухский, 3 – Кемский, 4 – Беломорский, 5 – Сегежский,
 6 – Медвежьегорский, 7 – Кондопожский, 8 – Прионежский, 9 – Пудожский;
 Ленинградская область: 10 – Подпорожский, 11 – Лодейнопольский;
 Новгородская область: 12 – Валдайский, 13 – Окуловский;
 Вологодская область: 14 – Вытегорский, 15 – Кадуйский;
 Архангельская область: 16 – Онежский

Бука/buka – еще одно название мифологического существа, бытующее в вепско-русском пограничье. Имеет русское происхождение²⁶. Используется для запугивания непослушных детей.

В Пондале зафиксированы также представления о персонажах, представляющих периферию вепсской мифологии: *kikimora* – женский дух,

обитающий в подполье дома и связанный с прядением, и *valovnic* ‘баловница’ – дух в облике девушки, населяющий поле. Колыхание колосьев ржи объяснялось в народе игрой баловниц. Оба духа были заимствованы из русского пантеона²⁷.

Таким образом, налицо процесс взаимообогащения мифологическими образами между контактирующими этносами.

С верованиями в духов иного мира тесно связан обряд ряженных. Русские с. Коштуги называют ряженных *окрутники*, шимозерские вепсы – *čudilkad*, куйско-пондальские вепсы – *kudesad*. По сведению обрусевшей вепсянки И. А. Егоровой, *кудесами* называют ряженных карелы. Но в Карелии это название не распространено²⁸. Вполне возможно, что сообщение информанта – след предания о здешних карелах.

Характерной чертой демонологических представлений, бытующих в данной этноконтактной зоне, является парность большинства мифологических персонажей, наделение их не только женами, но и детьми. Феномен парности и семейности – общий признак «низшей» мифологии у всех вепских групп. Параллельные образы характерны и для многих других финно-угорских народов (финнов, коми, мордвы, марийцев). Они отмечаются у северных русских и отсутствуют в южнорусской демонологии²⁹. Данные сопоставления позволяют сделать вывод, что парность и семейность, распространенные в вепско-русском пограничье, представляют собой заимствования из вепской мифологии.

Такое же заключение можно сделать, анализируя русские заклинательные формулы на данной территории. В них, как и в вепских произведениях подобного жанра, обязательно содержится обращение к духу и всем членам его семьи (жене, детям, иногда внукам). Например, в с. Сяргозеро в случае пропажи скота хозяйка обращалась к лешему следующим образом: «Хозяин да хозяйка! Ваши милые детушки! Ваши милые внучата! Нет ли я худо сказала, нет ли я плохо думала. Буде есть ли скотинка у вас, так дайте!»³⁰. В других местах Русского Севера часто можно встретить обращения к одному лешему, например: «Царь лесовой, всем зверям батько, явись сюда!» или «Лесной князь, выдь сюда, помоги моей беде, сам удружу»³¹.

Влияние русского языка способствовало появлению в текстах вепских заклинаний наименований духов на русском языке. Например, от К. И. Кириковой, 1907 г. р., вепсянки из Пелкаски, было записано такое заклинание, которое произносилось при переходе в новый дом: «*Pert'ižandaine, pert'emagaine! Dedad, babad', tatad, mamad, lapsed! Hoz'ain i hozäika! Primkat mindei i minun lapsid (nimed)! Teide sei slavad, a lapsile i miile suf tervhud!*» – «Хозяин избы, хозяйка избы! Дедушки, бабушки, папы, мамы,

дети! Хозяин и хозяйка! Примите меня и моих детей! Вам слава, а детям и мне большое здоровье!»³².

Одними из самых популярных домашних духов среди населения вепско-русского пограничья до сих пор являются «хозяин» хлева и его жена: *хлевный хозяин* и *хлевная хозяйка* – у русских; *lävanižand* и *lävänemag* – у вепсов. Как известно, для вепсской мифологии был характерен развитый мифоритуальный комплекс, связанный с духами хлева³³. В отличие от вепсов, в целом ряде севернорусских мест, не говоря уже о южнорусских, образ хозяина хлева неизвестен, и функция покровителя скота там целиком возложена на домового³⁴.

В обследованных поселениях до сих пор бытуют верования в банного духа и его жену (у русских – *банный хозяин* и *банная хозяйка*, у вепсов – *külbeřand* и *külbetemag*) и запреты думать о бане как о заразном месте, иначе ее дух, обидевшись, может наслать кожные болезни. Представления о банных болезнях – *külbetpagan* ‘банная чесотка’, *külbetkibu* ‘банная болезнь’ характерны для вепсской мифологии. В многочисленной литературе по русской (восточнославянской) народной медицине описание подобных заболеваний отсутствует. Верования в них свидетельствуют о том, что баня среди изучаемого населения рассматривалась как место опасное и нечистое. Следует также отметить, что во всех обследованных поселениях, за исключением Куи и Пондалы, банные обрядовые традиции были достаточно плохо развиты. Дело в том, что бани в этих местах – явление позднее. Еще в 1920-х – 1930-х гг. многие здешние жители мылись и парились в печах. Основным помещением для родов служил хлев, тогда как в Пондале, у карел Карелии и во многих севернорусских деревнях роды обычно происходили в бане³⁵.

Кроме того, в данной этноконтактной зоне, за исключением Куи и Пондалы, не было обнаружено обычая устраивать баню умершему на 40-й день. Такой обычай был распространен у прионежских вепсов и отсутствовал у тихвинских и южных³⁶. Этот еще один факт неразвитости банных обрядовых традиций в этих местах, видимо, имеет вепские истоки. Важная роль родильной и поминальной бани у куйско-пондальских вепсов объясняется карельским или русским влиянием.

Таким образом, в народной демонологии данной этноконтактной зоны прослеживается переплетение вепского, карельского и русского компонентов.

Литература

Баранцев А. П. О рукописном русско-вепском словаре середины прошлого века // *Fenno-ugristika*. Труды по финно-угроведению. 1. Tartu, 1975. С. 43–55.

Бесидников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро // *ОГВ*. 1875. № 68. С. 766–768.

Богданов Н. И. Вепский язык на современном этапе развития // ТКФ. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 76–82.

Богословский Н. Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губ., собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994.

Власова М. Н. Русские суеверия. СПб., 1998.

Дмитриева С. И. Русско-финно-угорские связи (по материалам северно-русского фольклора) // Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи. XXVII. СПб., 1993.

Дынин В. И. Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 78–91.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 453–464.

Список населенных мест Российской империи. 27. Олонецкая губерния. СПб., 1879.

Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 95–106.

Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 65–85.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Архивные документы

Головин А. Ф. Иностранческое население Белозерского у. // Архив РГО, ф. 24, оп. 1, № 21.

Черемхин К. Представления о мироздании // Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 702.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По административному делению конца XIX в. эта зона охватывала Белозерский у. Новгородской губ. и Вытегорский у. Олонецкой губ.

² В экспедициях по гранту «Интеграция» № 5.1-Е0080 «Комплексное экспедиционное исследование локальных групп вепсов и карел в зоне Волжско-Ладожского водораздела» (рук. В. П. Орфинский) принимали участие архитекторы

ПетрГУ, лингвисты и этнографы КарНЦ РАН, музыковеды Петрозаводской консерватории.

³ Богословский Н. Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губ., собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник. Вып. 1. Новгород, 1865; Список населенных мест Российской империи. 1873 г. 27. Олонецкая губерния. СПб., 1879 (далее – СНМ-1873).

⁴ В настоящее время Куя включает три деревни: две вепсские – Кийно и Панкратово и одну русскую – Заболотье.

⁵ Ahlqvist A. Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta Societatis Scientiarum. Fennicae. Helsinki, 1861. N 6. S. 49–113.

⁶ Бесидников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 68. С. 766.

⁷ Там же. С. 767.

⁸ Баранцев А. П. О рукописном русско-вепском словаре середины прошлого века // Fennou-ugristika. Труды по финно-угроведению. 1. Tartu, 1975. С. 48.

⁹ Богданов Н. И. Вепсский язык на современном этапе развития // ТКФ. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 82.

¹⁰ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 74.

¹¹ Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3411/33, записано от В. О. Егорова.

¹² Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 197.

¹³ Баранцев А. П. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁴ Архив РГО, ф. 24, оп. 1, № 21, л. 1.

¹⁵ Богословский Н. Указ. соч. С. 221.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 702, л. 1.

¹⁸ Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 461 (карта).

¹⁹ Пименов В. В. Указ. соч. С. 198.

²⁰ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979. С. 17.

²¹ Дмитриева С. И. Русско-финно-угорские связи (по материалам северно-русского фольклора) // Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи. XXVII. СПб., 1993. С. 136.

²² Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3411/24, записано от Тарасовой М. С., 1922 г. р., урожай. с. Сяргозеро, русской.

²³ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 56.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. С. 113.

²⁶ Черепанова О. А. Указ. соч. С. 46.

²⁷ Там же. С. 15, 124–128.

²⁸ Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. С. 45–46.

²⁹ Дынин В. И. Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 79.

³⁰ Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3410/1, записано от Прохоровой А. И., 1914 г. р., урж. с. Сяргозеро, русской.

³¹ Власова М. Н. Русские суеверия. СПб., 1998. С. 298, 305.

³² Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3411/16.

³³ Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 29–31.

³⁴ Дынин В. И. Указ. соч. С. 82.

³⁵ Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 101; ср.: Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985; Власова М. Н. Указ. соч. С. 35.

³⁶ Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 80.